

КЭТИ СВИТ
КАРА МЕЛ

Зимняя сказка

ЗАБАВА ДЛЯ БЛИЗНЦОВ

Кэти Свит

Зимняя сказка.

Забава для близнецов

<https://litres.ru/74214792>

Аннотация

♥ПЕЧАТНАЯ КНИГА НА ВБ, ОЗОН, РУГРАМШОП♥ -
Будь нашей мамой, - на меня с надеждой смотрят две пары голубых глаз. -Что? - я в полном шоке. - Пожалуйста, будь нашей мамой, - просит девочка лет пяти. - Нам мама очень нужна, - смотрит на меня с такой надеждой, аж сердце переворачивается. - Все няни злые, они нас не любят. А ты добрая. Ты нас будешь любить. - А ещё от тебя пахнет вкусно, - улыбается мальчуган. - Булочками.

В тот день, когда врачи запретили мне иметь детей, на пороге моего кафе появились шаловливые близнецы. Забрались на кухню, стащили пирожные, а теперь не признаются, кто их отец и где живут. А еще просят стать для них мамой.

Содержание

Глава 1. Забава	4
Глава 2. Забава	9
Глава 3. Марк	14
Глава 4. Забава	19
Глава 5. Забава	24
Глава 6. Марк	30
Глава 7. Забава	36
Глава 8. Марк	43
Глава 9. Забава	48
Глава 10. Марк	54
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Глава 1. Забава

— Систер, ну и что, что тебе запретили рожать детей? — бодрым голосом, без капли сочувствия произносит Аленка, моя младшая сестра. — На этом жизнь не заканчивается, — принимается меня убеждать.

— Я ребенка хотела, — вздыхаю печально. Неутешительный вердикт врачей перевернул всю мою жизнь.

— Бессонные ночи, бесконечные стирки, подгузы, пеленки, — начинает перечислять. — Нескончаемый плач.

А еще глаза наполненные любовью, искренность, объятия и родство душ. Только это все почему-то сестра не добавляет. Хлопоты пройдут, а вот частичка тебя останется. И это самое настоящее счастье! Которого я буду лишена.

— Поверь, тебе дети не нужны, — заверяет. — Они тебе испортят всю жизнь. Прощайте, свобода, карьера, путешествия. Нет! Живи и радуйся без детей. Цени это.

Она так уверенно об этом говорит, словно отъявленная чайлд-фри. Но ее трое детей с небольшой разницей в возрасте открыто говорят об обратном.

Несмотря на громкие слова и свои заверения, Аленка любит каждого из своих детей. Она активно участвует в жизни каждого из них, водит на секции и кружки, является председателем родительского комитета и в детском саду, и в школе.

— Чей ребенок? Где его мама?! — кричат из песочницы.

Точнее, того, во что она превратилась зимой.

— Ален, кажется, Федор, — показываю на плачущего полугодовалого малыша, которого держит за руку какая-то женщина.

— Да блин! Сколько можно уже? — возмущенно закатывает глаза сестра. — Заколебали! — произносит в сердцах.

Она подскакивает со скамейки, поправляет шарф и воинственной походкой направляется к песочнице. Сестра зла.

— Чем вам ребенок помешал?! — начинает наезжать на сердобольную женщину. Та ей что-то отвечает. — Нет! Ему не холодно! У него очень теплый костюм! — раздается гневная тирада от моей сестры.

Продолжаю наблюдать, как Аленка выливает все свое накопленное раздражение на ни в чем не повинную женщину. Думаю, после подобного та еще долго не будет подходить к чужим детям.

— Что за дичь вы несете? — раздается возмущенное на весь двор. — Издеваетесь надо мной, да?

И снова тирада от сестры.

Сижу, смотрю, как делать не нужно, и продолжаю переживать. Вердикт врачей оказался неутешительным. Рожать мне нельзя.

— Достали эти бабки сварливые! — Аленка возвращается, бурча себе под нос. Она полна недовольства. — Вам-то какое дело до чужих детей? Своих рожайте и воспитывайте!

— Ален, ты чего? — делаю вид, что не слышала последней

фразы. Внутри сразу поднимается протест.

Своих рожайте... Звучит красиво. Но вот только это счастье дано далеко не всем.

Я не хочу портить отношения с сестрой и поэтому предпочитаю не акцентировать внимание на этом. Аленка говорит не подумав, она не понимает истинного горя тех, кому не суждено стать матерью.

— Представляешь, — накидывается на меня продолжая гореть от негодования, — меня отчитали, как малолетку, за то, что мой ребенок сидит попой на снегу!

— Видела, — хочу плавно перевести тему разговора, но по сестре вижу, что не смогу. Смотрю на часы. — Ален, ты прости, но бежать нужно. В кафе у меня сегодня новенькая. Боюсь, она не справится без меня.

— Ой, конечно, иди! — тут же спохватывается. — Проследи, чтобы не испортила ничего. И не украла! — со знанием дела принимается наставлять. — А то знаю я этих молоденьких девиц, — пренебрежительно фыркает. — У тебя к вечеру полная касса будет. Бери — не хочу!

— Не переживай, все в порядке, — успокаиваю взволнованную Аленку. Она ни дня не работала в привычном понимании этого слова и не имеет ни малейшего представления, как устроен рабочий процесс.

Бегло прощаюсь с сестрой, сажусь в такси и уезжаю в самое прекрасное место в городе. Мое кафе.

На самом деле, это не кафе вовсе, а булочная. Уютное,

наполненное непередаваемым ароматом свежеиспеченного хлеба и булочек заведение.

Открываю двери, захожу в зал и на мгновение замираю. Позволяю себе насладиться приятной атмосферой до того, как погружусь в работу с головой.

— Забава Ильинична! Какое счастье, что вы приехали! — Ко мне подлетает та самая молоденькая девушка, которая здесь сегодня работает первый день.

Она чем-то обеспокоена и взволнована. Я тут же понимаю, что-то произошло.

— Что случилось? — спрашиваю у нее, сама тем временем окидываю взглядом помещение.

В зале немногочисленно. Но оно и правильно, утренний час пик прошел, а обеденный еще не наступил. Буквально через полчаса ситуация в корне изменится.

Гости заведения сидят и совершенно спокойно наслаждаются свежей выпечкой, на их лицах нет ни капли возмущения или недовольства. Тревога постепенно начинает отступать.

— Проверка? Недостача? Конфликт? — перечисляю самые распространенные причины для беспокойства.

— Неа, — активно крутит головой в разные стороны. Своей реакцией забавляет меня.

— А что тогда? — продолжаю допытываться. Становится интересно, что ж на самом деле произошло.

— Не поверите! — говорит с жаром. — Я двух воришек

поймала! — выпаливает с гордостью.

— Кого? — переспрашиваю. Я, должно быть, ослышалась. Вору? У меня в булочной? Да это же бред!

— Воришек! — повторяет. Хмурюсь.

Вору в булочной... Что им здесь делать? Уж явно не деньги.

— Где они? — продолжаю осматриваться.

— Пойдемте покажу, — говорит, направляясь к служебным помещениям. Следую за ней.

Мы подходим к одной из подсобок, девушка открывает дверь ключом, торчащим с наружной стороны замка.

— Вот! — протягивает руку, показывая внутрь небольшой комнатухи без окон и дверей. — Смотрите!

Включаю свет и теряю дар речи. Со стоящей у стены коробки на меня смотрят двое перепуганных детей лет пяти. У них на глаза наворачиваются слезы.

Глава 2. Забава

— Тише, тише, — выставляю вперед руки, показывая, что не причиню вреда. — Не бойтесь. — Голос дрожит, эмоции рвут душу на части, но я не позволяю им взять верх над собой. Нельзя.

Малыши замерли. Жмутся друг к другу, как воробушки зимой. Нахохлились. А мне в этот момент больше всего на свете хочется надавать молоденькой официантке по голове.

Как можно было запереть детей в подсобке? Оставить одних в темноте. Да как вообще до такого додуматься можно было?! Это ведь дети! Малыши совсем! За ними глаз да глаз нужен. Они ж не самостоятельные совсем.

Ух-х-х! Как я сейчас зла! Беги, Рита, беги! Пока я тебя не покусала!

Счастье будет, если дети не начнут заикаться после сидения в темноте. Страху натерпелись, бедненькие.

— Рита, — негромко обращаюсь к провинившейся официантке. Ей нечего здесь делать, уже наворотила сполна. — Вернись в зал, — говорю строго. — Кафе не должно оставаться без присмотра.

— Там Марина, — перечит. И этим только сильнее раздражает меня. — Они пирожные новые украли, — начинает жаловаться, показывая на малышей.

Едва сдерживаюсь, чтобы не ответить ей грубо. Своими

пояснениями она только усугубляет ситуацию и вызывает у меня дичайшее раздражение.

— Но съесть не успели. Я отобрала! — добавляет гордо. Прикусываю щеку до крови, чтоб не закричать.

Зашибись... Дети есть хотят, а ты... У-у-у-х! Закипаю.

Скройся с моих глаз, пока не получила сполна!

— Ты слышала, что нужно сделать? — произношу глухим голосом, плохо сдерживая злость. Ее слишком много.

Рита, Рита... Зараза! Головой надо думать, а не одним местом.

Смотрю девушке прямо в глаза, там только желчь. Нет места для сострадания.

Уйти ей нужно. Немедленно! И так перепугала уже детвору.

Но Рита продолжает стоять рядом со мной. Бестолковая, что ли, совсем?

— Слышала, — бурчит недовольно. Не понимает... Капец.

— Вот и иди! — говорю в сердцах и показываю рукой на дверь.

Рита обиженно разворачивается и уходит. Что-то бубнит себе под нос.

А я стою, слежу за уходящей молоденькой девушкой и тихо ругаю себя. Интуицию нужно слушать беспрекословно! Особенно когда она дико вопит.

Вернись я раньше, ничего подобного бы не случилось.

Эх, молодая дуреха! Добрее нужно быть. Особенно с детьми! В жизни и так зла хватает с лихвой.

Смотри, чтобы твой первый рабочий день не стал последним. Подобного отношения в своем заведении я не потерплю.

Даже если обнаружила, что дети что-то стащили, нельзя запирать их в темной подсобке. Этим неосмотрительным поступком можно искалечить целую жизнь!

У каждого ребенка есть родитель. Вот с кого нужно спрашивать. Он за них в ответе.

Малышня шкодит и играет, это нормально. На то она и малышня. Ответственность за проделки несмышленьшей несут взрослые. Которые уж точно у каждого ребенка имеются.

— Я вас не обижу, — медленно приближаюсь к деткам.

Веду себя с ними крайне осторожно, контролирую каждое свое движение, каждый жест. Четко отслеживаю мимику.

Я должна быть максимально дружелюбной. Нельзя напугать их еще сильнее.

— Ругать тоже не будете? — робко спрашивает мальчик. У него в глазах столько надежды, что у меня дыхание перехватывает. Сердце разбивается на куски.

— Не буду, обещаю. — Тепло улыбаюсь.

Хочу как можно скорее вывести их отсюда и накормить.

Мальчуган с сомнением смотрит на меня, словно проверяет, не вру ли я. С трудом выдерживаю детский взгляд.

Сердце в груди бьется с надрывом. У меня сейчас одно желание: покинуть это гребаное помещение и отправиться с детками в зал!

Там светло, тепло и уютно. Там каждая вещь в интерьере выбрана и куплена исключительно мной.

— Пойдемте со мной, — протягиваю деткам руки. Но они продолжают оставаться на месте и настороженно смотреть на меня. Не доверяют. — Я вам пирожные дам, которые вы хотели, — использую запрещенное оружие. Кто из малышей откажется от вкуснях?

— Мань, слезай. — Мальчуган спрыгивает с коробки, подставляет руки сестре, но она не торопится спускаться. Жметя к стене.

— Я боюсь, — плача, прижимает ручки к груди, кулачками вцепилась в шарф.

— Давай помогу, — подхожу к девчужке. Она вмиг напрыгается, бросает на брата умоляющий взгляд. — Я не враг. Я не обижу, — заверяю ее.

С трудом, но малышка поддается на мои уговоры, и спустя десять минут мы втроем сидим за небольшим столиком лучшего кафе в городе. Машенька, так на самом деле зовут девочку, за обе щеки уплетает десерт Павловой, а Пашенька жует сосиску в тесте.

Нужно каким-то образом выяснить про родителей малышей, но как это грамотно сделать, просто не представляю. По глазам вижу, не станут они мне отвечать.

— Может быть, вы хотите угостить родителей? — с осторожностью спрашиваю у деток. — Я могу положить с собой пирожков.

— Папа любит пирожки с мясом, — со знанием дела отвечает Маша. — Можно ему взять?

— Конечно, можно, — улыбаюсь. — А мама? С чем любит она?

После моих вопросов малыши как-то странно переглядываются и с ответом не спешат.

— Вы не знаете? — робко задаю еще вопрос. Мне некомфортно. Кажется, что залезла на чужую территорию, где меня не ждут.

Машенька поднимается со стула, подходит к брату, что-то говорит ему на ушко. Слышу взволнованный громкий шепот, но из-за гула голосов других посетителей никак не удастся разобрать смысл слов.

— Будь нашей мамой. — На меня с надеждой смотрят две пары голубых глаз.

— Ч-что? — Я в полном шоке. Замираю. Перевожу взгляд с одного близнеца на другого. Пытаюсь прийти в себя.

— Пожалуйста, будь нашей мамой, — просит Машенька. — Нам мама очень нужна, — смотрит с такой надеждой, аж сердце переворачивается. — Все няни злые, они нас не любят. А ты добрая. Ты нас будешь любить.

— А еще от тебя пахнет вкусно, — улыбается мальчуган. — Булочками.

Глава 3. Марк

— Что значит «дети пропали»? — спрашиваю, не пряча злости.

У меня день распланирован буквально по минутам. Сейчас крайне важное совещание, потом нужно подготовиться к встрече с банкирами, еще раз проверить комплектность документов и наличие всех требующихся договоров. Через два часа в офис нагрянет проверка из налоговой, я должен за всем проследить.

— Мы гуляли в парке, они пошли на горку, я сидела на лавочке. — В ответ мне летит бессвязная запутанная речь. Няня Маши и Паши рыдает навзрыд.

Осознание чудовищности произошедшего окидывает меня ледяным душем, кровь отливает от лица.

— Станислава! Где. Мои. Дети?! — гневно рычу. Закрываю динамик ладонью, извиняюсь перед коллегами и выхожу в коридор.

— Марк Денисович, что случилось? Вам нехорошо? — Ко мне тут же подлетает Оксана, стоит только оказаться вне конференц-зала.

Оксана — мой личный помощник. Правая рука, без которой бы я не успевал столько сделать за столь короткое время.

Она всегда рядом, всегда готова прийти на помощь и всегда доводит начатое до конца. На нее смело могу положиться.

ся.

— Окси, у меня проблемы с детьми, — бегло поясняю. — Зайди в конференц, собери документы, — обозначаю круг обязанностей. — Проследи, чтобы каждый расписался в протоколе. Это важно.

— Не переживайте! Все будет сделано в лучшем виде, — произносит с жаром. Тут же поднимается, бросает все свои дела и направляется в конференц-зал выполнять мое поручение.

Я же слушаю сбивчивую речь нянечки и охреневаю от ее безалаберности и безответственности. Она взяла под свою ответственность двух четырехлеток и потеряла. Пипец!

— Я не знаю, где они, — уже в открытую ревет. Заикается. — Их н-нет нигде. Я искала. У-у-у-у.

Звездец! Женской истерики мне еще не хватало.

— Как давно пропали? Где конкретно видели в последний раз? Охрана или полицейские рядом есть? — засыпаю вопросами. Деловой тон, холодная голова и здравый рассудок. Пока я спокоен, то могу здраво соображать. А это уже половина успеха.

Переживать за своих детей буду позже. Сейчас главное их найти!

Звоню. Трубки не берут ни один, ни вторая. Я тем временем начинаю медленно закипать.

Мечусь по кабинету в поисках своего ноутбука. Там вбиты данные смарт-часов, что подарил детям пару недель назад.

Они очень хотели, долго просили, и в итоге я не смог им отказать.

Под очередной из стопок с документацией нахожу заветные коробочки и тут же принимаюсь их изучать. Бросаю все дела, на них становится пофиг.

Маша и Паша — вот что сейчас действительно важно.

— Мак! Занят? Можешь ко мне подойти? — набираю начальнику службы безопасности.

— Через сколько ты будешь на месте? — уточняет. Он всегда так делает. Ставит решение более срочных вопросов в приоритет.

— Я уже здесь, — отрезаю. — Срочно так, что нужно было аж вчера!

— Понял, — ухмыляется беззлобно. — Жди. Подойду через пару минут.

Но у меня нет ни возможности, ни желания сидеть и молча стогать. Я привык действовать.

Разбираюсь с ноутом, нахожу данные. Потом вспоминаю, что уже вбивал эти данные к себе на телефон. Снимаю блокировку с личного сотового, захожу в специальное приложение, смотрю на геолокацию детей и срываюсь с места.

Вылетаю из кабинета, едва не свалив с ног начальника службы безопасности.

— Ермолаев, куда несешься? Приведение, что ли, увидел? — произносит с ухмылкой.

— Какое нахрен приведение! — бегло ему отвечаю. —

Детей искать! Их няня прошляпила.

— Твою мать! — раздается грозное за спиной. — Я еду с тобой!

Спускаемся на лифте сразу на подземный паркинг, пока ехали, успел в двух словах рассказать Маку все, что узнал. Тревога разрастается сильнее с каждой секундой, сильное сердце гонит по венам адреналин, а не кровь.

Малышня моя, вы там давайте держитесь! Ваш папа едет за вами! Он вас найдет!

Только открываются металлические створки, как я нажимаю на кнопку на пульте, и машина тут же заводится. Подходим. Садимся. Срываемся с места.

Пожалуй, впервые за эти пару месяцев, что Торковский находится на посту генерального, я ему искренне благодарен. Это ведь именно он настоял на переезде в более современное и презентабельное здание. И именно благодаря ему я теперь забыл, что значит счищать сугробы с машины. Просто сел и поехал, не тратя лишнего времени.

Навигатор нас привел к небольшому кафе в центре города. Скептически осматривая витрину, ищу взглядом детей.

И нахожу!

— Вон они! — тут же подключается Мак. Он тоже их видит. — За столиком в кафешке сидят.

Широкими шагами стремительно сокращаю расстояние до входных дверей в заведение, распахиваю стеклянные створки, ступаю. И получаю удар колокольчиком в лоб.

— Дзинь, — бренчит, ударяясь об меня. Ар-р-р! Поднимаю ногу, резко иду вперед, но вместо ожидаемого уровня пола моя ступня оказывается гораздо ниже.

Твою ж мать! У них ступенька на входе.

В самый последний момент успеваю поймать равновесие и лишь благодаря этому не лечу кубарем вниз.

— Мак, стой! Здесь порог высокий! — предупреждаю.

— Знаю, — отмахивается. На удивление Маковецкий довольно расслаблен. Он тут же поменял линию поведения, как мы подошли сюда.

— Ты был здесь? — удивляюсь. Не могу представить Мака, поедающего здесь пирожки.

— И не раз, — ухмыляется. — В этой булочной самая вкусная выпечка! Она известна на весь город. Лучше не найди!

Слушаю его и понимаю, что мне фиолетово до выпечки и пирожков. Дети мои, единственные и крайне любимые, сидят за столом и во что-то увлеченно играют.

— Забава! — окрикивает сидящую с Машей и Пашей женщину. Та оборачивается и приветственно машет ему рукой, затем переводит внимание на меня.

Встречаемся взглядом.

Глава 4. Забава

— Папа! — Машенька радостно пищит, активно машет руками. — Папа приехал!

Малышка в нетерпении прыгивает со стула, желая быстрее добежать до родителя, но оступается и летит плашмя вниз. Я в последний момент успеваю ее поймать.

— Ты цела? — спрашиваю встревоженно, осматриваю Машеньку с головы до ног. — Не ушиблась?

Адреналин несется по венам. Испугалась за девочку, как за свою.

— Неа. — Малышка крутит головой в разные стороны.

— Вот и славно, — облегченно выдыхаю. Бросаю беглый взгляд на спешащих к нам мужчин.

Пашенька уже вовсю обнимает папу. Довольный мальчишка висит у него на руках и задорно смеется.

Машенька плачет.

— Ты чего? — все-таки ушиблась. Блин, не успела вовремя поймать.

— У-у-у, — рыдает вместо ответа.

— Сильно ударилась? — пугаюсь. В голове тут же начинаю перебирать всевозможные варианты. Вывих, сотрясение, перелом!

В панике снова смотрю на Мака и стоящего рядом с ним отца близнецов. Они оба заняты Пашей и совершенно не об-

ращают внимания на меня и Машу.

Блин. Блин! Бли-и-ин!

— Так, давай я тебе помогу. — Принимая решение, опускаюсь перед девочкой на колени. Нужно, чтобы Машенька забралась на меня.

Нам нужно в больницу. На рентген! Срочно!

— Залезай ко мне на руки, я тебя отнесу до машины, — стараюсь не выказывать волнения. — Тебя нужно показать доктору. Он посмотрит, где ты ударилась, проверит, все ли в порядке, и потом поедешь с папой домой, — принимаюсь объяснять прописные истины.

Мне кажется, что с детьми нужно говорить, как со здравомыслящими. Они умные и смывленные, если правильно подобрать слова, то должны все понять.

— Я не хочу к доктору, — канючит.

— Моя хорошая, надо, — мягко настаиваю. Внутри бушует настоящий ураган из эмоций, но внешне надо оставаться спокойной. Я ведь взрослая, должна отвечать за ребенка. — Когда сильно ударилась и потом становится больно, нужно показаться врачу, — опять поясняю. Машенька меня терпеливо слушает. — Покажи, где болит?

— Нигде, — шмыгает носом. А я смотрю на девочку и впадаю в ступор.

— Тогда почему ты плачешь? — я не понимаю.

Малышка смотрит на меня, как на самое глупое существо на планете. Ее бровки подлетают вверх.

Маша удивлена настолько, что забывает про свой плач. Он ей становится не интересен.

— Первой к папе хотела, — надувает губки, кукуется.

— И все? — не успеваю скрыть шока. У меня банально нет слов!

Я уже столько всего напридумывала! Даже вспомнила, как действовать при открытом переломе, каким образом отличить два вида кровотечения и куда накладывать жгут при каждом из них!

А Машенька всего лишь хотела к папе первой прибежать.

— Как тут моя принцесса? — раздается за спиной приятный мужской голос. Сижу, не двигаюсь. Мне стыдно посмотреть мужчине в глаза.

— Нормально. — Маша бурчит тихонько.

— Когда нормально, не плачут, — парирует. — А еще не убегают от нянь! — добавляет строго.

От нянь... У этих двух прекрасных детей нет мамы. Нет самого надежного и верного человека, нет того, к кому можно прижаться, что бы в жизни ни случилось. Или просто подойти и обнять.

Нет того, чьи объятия лечат. Кто испечет булочки или приготовит невероятно вкусный пирог. Кто научит Машеньку следить за собой, стрелять глазками, поможет стать самой красивой.

А еще будет тайком от остальных членов семьи покупать приятные мелочи и распахивать их по детским карманам.

У Паши и Маши нет мамы. самого главного человека в жизни каждого малыша.

— Папа, она нас ругала, — встречается в разговор Паша. По мальчику видно, он очень хочет что-то сказать.

— Раз ругала, значит, вы заслужили! — Отец близнецов остается непреклонен. Я категорически не согласна с данной фразой! Кусаю губы, чтобы не начать возражать.

— Здравствуйте, — поднимаюсь на ноги, поворачиваюсь. На стоящего напротив мужчину стараюсь лишний раз не смотреть. — Мак, тебе как обычно? — обращаюсь к тому, кто в моем заведении постоянный гость.

— Я вечером заеду, — произносит он. — Сейчас мне будет некогда.

— Хорошо, — говорю чуть более спокойно и расслабленно, включая профессионализм, и сразу становится легче. — Вы отец Маши и Паши? — обращаюсь к высокому красивому мужчине.

— А что, не заметно? — Он пытливо выгибает бровь. Тут же тушуюсь. Я не привыкла к подобному обращению.

— Малыши сыты, я их накормила, — почему-то хочется пояснить. Под пытливым взглядом холодных голубых глаз становится некомфортно.

— Сколько? — спрашивает, глядя на меня.

— Что «сколько»? — не понимаю. Рассеянно хлопаю ресницами, хмурюсь.

— Сколько я вам за это должен? — Он говорит так над-

менно, что я обалдеваю. Не мужчина, а одна ходячая спесь!

— Нисколько, — отвечаю ему. — Это ведь дети! Они потерялись и хотели кушать. Мне несложно их накормить.

Да и любой другой в моей ситуации поступил бы так же! Но об этом решаю промолчать. Я владелица заведения и поступила так, как велело мне мое сердце.

— Мои дети не нуждаются ни в чьих подачках, — своими словами меня убивает. — Я благодарен вам за помощь, но вы сейчас выставите счет, и мы пойдем.

— А куда, пап? — тут же принимается спрашивать Паша.

— Пойдем в зоопарк, — канючит Машенька. — Пожалуйста! — произносит с мольбой.

— Мы идем ко мне на работу, — заявляет строго и безапелляционно. — Я буду работать, а вы мультфильмы смотреть.

— Не хочу на работу, — тут уже начинает хныкать Паша.

— Не хочу мультики, — подключается Маша.

Отец малышей начинает свирепеть.

— Извините, что вмешиваюсь, — произношу осторожно.

— Ваши дети до вечера могут побыть здесь.

Глава 5. Забава

Отец близнецов похож на дикого ежа. На такого красивого, ухоженного, но фыркающего и колючего ежика, которого так и хочется погладить, чтобы поскорее подобрел.

Может быть, если подарить ему немного ласки, он спрячет свои иголки? Или откусит руку по локоть, как только дотронешься?

Почему-то с отцом близнецов, я думаю, будет второй вариант.

Понимаю, что в одиночку заниматься воспитанием детей нелегко. Даже не могу представить, как сложно!

Еще прекрасно вижу, как сильно он испугался из-за пропажи своих малышей. Страх нахватался сполна.

Оно и понятно! Ведь не каждый же день узнаешь о пропаже своих деток.

Но блин! Даже все вышеперечисленное не дает ему никакого права общаться со мной в таком тоне! Пропажа детей не повод срываться на окружающих. Сам виноват.

Но этого я ему не скажу. Потому что обстоятельства в жизни бывают разными. А я, строя предположения, могу даже не догадываться о половине из них.

— Ну так что? Оставьте детвору у меня? — кидаю беглый взгляд на малышей, подмигиваю им. Они довольны, улыбаются.

Я очень хочу, чтобы детки остались со мной. Кажется, если их заберут, то мир просто рухнет. Из него разом возьмут и выкачают весь свет.

Не знаю, что это за тяга такая, но всем нутром чувствую: я им нужна. А еще они нужны мне. Очень сильно.

— Мои дети пойдут... — начинает недовольно мужчина, но не успевает продолжить фразу, как его тут же перебивает Макар.

— Забава, ты наша спасительница! — нарочито громко говорит он.

Делает шаг вперед, переключает внимание на себя. Незаметно пихает своего друга локтем, но я-то все вижу.

— У Марка сегодня крайне насыщенный день, и он будет очень благодарен тебе за оказанную услугу, — поворачивается и многозначительно смотрит на отца близнецов. — Правда, Марк? — произносит с нажимом. — Ты ведь будешь рад, если Забава присмотрит за твоими детьми? — Макар снова давит. Я замираю.

Сейчас, в эту самую минуту, решается вся моя дальнейшая жизнь! Я не хочу, не готова расставаться с малышами так скоро. Их общество для меня — как тягучая карамелька. Хочу еще!

— Конечно, я буду рад! — Марк говорит раздраженно. Но всем своим видом показывает, что нет.

Едва сдерживаю лукавую улыбку. Для этого приходится прикусить губу, но оно того стоит. Не хочу показывать ему

раньше времени, что я слишком добра.

Но улыбка, зараза, так и рвется наружу, сминая тщательно выстроенные преграды. Ей плевать на них.

А вот тебе, Марк, недостает ласки. Именно поэтому ты суровый, злой и кусаешься. Так и хочется молочка в блюдце для колючего ежика налить.

Нужно добрее быть. Особенно когда дело касается детей.

— Можно остаться с Забавой? — с плохо скрываемым нетерпением спрашивает Машенька у своего папы.

Девочка с таким обожанием смотрит на него, что у меня екает сердце. Это великое счастье, чтобы на тебя кто-то вот так смотрел.

— Можно, — отвечает ей строго. — Только...

Но дети не дают ему закончить фразу. Они весело и задорно кричат.

— Ура! — Маша и Паша счастливо подпрыгивают, хлопают в ладоши и не прячут своих истинных чувств. Дети рады, что им никуда не нужно уходить.

— Вот видишь, все не так страшно, как могло оказаться, — успокаивает друга Мак. Пытается разрядить накаленную обстановку.

Но Марк, оказывается, настроен совершенно не так благосклонно, как Маковецкий.

— Забава, можно вас на пару минут? — обращается ко мне деловым тоном. Весь его вид буквально кричит: нам предстоит непростой разговор.

— Конечно, можно, — мило улыбаюсь ему. Веду себя, словно не понимаю произошедшего, пусть думает, что я недалекого ума.

Улыбка — самое мощное и страшное оружие. Она способна обезоружить кого угодно, против нее не попрешь.

Судя по реакции Марка, я попала в точку. Своим дружелюбием окончательно обескуражила его, а отлично сыгранная мною глупость заглушила негатив.

И в самом деле, что с глупышки-то взять? С нее даже нечего требовать! Она ведь ничего не знает.

Пользуясь случаем, оставляем детей на попечение Макара, а сами отходим к столику. Паша и Маша о чем-то весело рассказывают, им сейчас не до нас.

— Вот, возьмите, — протягиваю мужчине бумажный пакет. Тот все это время одиноко стоял на столе. Жаль, что пирожки в нем остыли.

— Что это? — смотрит на пакет настороженно. По обращенному на него взгляду, в пакете должна находиться как минимум атомная бомба.

— Пирожки, — чуть сильнее вытягиваю свою ношу вперед, намекаю сильнее. — Ваши дети очень переживали, что сами поели, а вам не досталось, и попросили дать им с собой для папы пирожков с мясом, — вынуждена пояснить.

Иначе ведь не примет подарок, откажется. Расстроит детей. Они очень сильно хотели угостить папу пирожками. Почему-то для малышей крайне важно было с ним поделиться.

— Детвора попросила для меня пирожки с мясом? — переспрашивает удивленно.

— Да, — улыбаясь, киваю. — Машенька лично выбирала, какой положить, — добиваю мужчину.

Теперь пусть только попробует вежливо отказаться! Укушу!

Пересиливая себя, Марк все же протягивает руку и принимает подарок. Открывает пакет, заглядывает внутрь, вдыхает. И буквально на долю секунды блаженно закрывает глаза.

Кусаю щеку изнутри, чтобы не начать опять улыбаться. Это ведь отлично, когда моя выпечка нравится посетителям. Особенно таким статным и серьезным, как Марк.

На этот раз улыбка идет из самого центра души и сдержать ее практически нереально.

— Это совершенно бесплатно. То есть даром, — цитирую фразу из своего любимого мультфильма. Замечаю едва заметную улыбку у Марка на губах.

Неужели оттаивает?

— Благодарю, — сдержанно отвечает, но уже без былого недовольства и раздражения. В его голосе даже появляются теплые нотки. Мне безумно приятно.

— Забава Ильинична! Я разобралась, как пробить чек на пирожки и пирожные, которые вы дали воришкам, но не могу найти в меню суп, которым вы их накормили, — кричит через весь зал нерадивая официантка. Впервые в жизни я

хочу провалиться сквозь землю от стыда.

Глава 6. Марк

— Воришкам? — поворачиваюсь к стоящей за кассой девушке. Это она про моих детей так говорит?!

Кассирша видит мой взгляд и тушуетсЯ. Отводит глаза в сторону и принимается смотреть куда угодно, но только не на меня.

— Марк, ничего критичного не случилось, — вновь пытается переключить мое внимание на себя владелица заведения.

Она говорит так, слово желает меня успокоить. Хотя по логике вещей все должно быть строго наоборот.

— Детки хотели кушать и поэтому взяли без спроса пирожки. — Забава начинает оправдывать моих шалопаев. — Такое бывает, — пожимает плечами. — Они просто проголодались, вот и все. А пирожные взяли без злого умысла, так что предлагаю об этом просто забыть. Они еще слишком малы, чтобы понимать серьезность проступка.

Девушка говорит с такой нежностью и теплом, что я невольно начинаю прислушиваться к ее словам. С какой-то стороны понимаю, в ее словах есть доля правды.

Но серьезного разговора мелким не избежать! Подобное поведение просто недопустимо!

Ловлю себя на том, что залипаю на Забаве. Красивая она... А еще очень добрая, это становится понятно буквально

но за пару секунд общения. Жаль, что у нее уже есть работа, а то можно было бы попросить ее стать новой няней. Детвора была бы в восторге.

Очевидно, что малышне она понравилась. И они не хотят расставаться с ней.

Я вообще удивлен, как они так быстро к Забаве прикипели! Подобное у них впервые.

Обычно Паша и Маша к посторонним идут с опаской, ведут себя довольно осторожно и настороженно с чужими людьми. Мои малыши не относятся к разряду тех детей, кого можно заманить к себе конфеткой или шоколадкой. Эти двое развернутся и убегут еще тогда, когда незнакомец шаг в их сторону сделает! А тут...

— Много они испортили? — спрашиваю, обращаясь к Забаве.

Мне становится неудобно перед этой замечательной женщиной. Она обогрела детвору, напоила и накормила, дождалась, пока появятся родители, и не сказала ни единого дурного слова в их адрес! Напротив, даже помощь свою предложила. А я...

А я на ней стал срываться.

Потому что устал. Потому что перенервничал. Потому что проблем целый ворох, и они не уходят, а только нарастают. Как снежный ком. Грозят вот-вот нагнать меня, свалить с ног и утопить. Ума не приложу, как мне выплыть. А тут еще придется новую няню для деток искать.

Квест какой-то.

Мда... На этот раз детвора превзошла все мои даже самые смелые ожидания. Наворотили сполна.

Спасибо Забаве, что в полицию не обратилась! Вытаскивать их от инспектора по делам несовершеннолетних или из опеки было бы не особо легко. Пришлось бы подключать связи, о существовании которых мне хотелось забыть.

Ой, Паша... Ой, Маша... Сладкие шилопопики.

Это ж нужно было додуматься — сбежать от няни, пробраться за прилавок кафе и стащить пирожные! Ничего проще не придумали.

Ведь по-любому они выбрали самые вкусные и самые дорогие. А некоторые еще и самые красивые. В этом я не сомневаюсь.

Чем близнецы становятся старше, тем сильнее чудят. И что с этим всем делать, я не имею ни малейшего представления.

Но это мои дети. Моя шпана. Мне и разгрести за ними.

Паша и Маша замечательные, умные, сообразительные, добрые и активные... непослушники. С ними никакая няня не справляется. Самая стойкая продержалась три месяца и тоже ушла. Не выдержала их проделок.

Я просто уверен, ничего подобного бы не случилось, будь у детей мать. Машеньке и Пашеньке уж очень ее не хватает. Поэтому и чудят, таким образом привлекают внимание.

Но их мать выбрала свободу. Для нее дети — обуза, а бе-

ременность стала случайной. Гормональный сбой при приеме контрацептивов.

— Не переживайте, все в порядке, — заверяет меня Забава. — Вы ничего не должны мне. Поверьте, ваши малыши дали гораздо больше, чем смогли взять.

— Извините, если мои дети причинили вам неудобства. Они очень, — кхм, — самостоятельные и независимые, — подбираю более тактичные слова, не ругать же детвору при постороннем для них человеке. — К сожалению, я очень часто задерживаюсь на работе и слишком мало уделяю им времени. Видимо, пора более плотно заняться воспитанием детей, — бросаю на двух шалопаев строгий взгляд.

Только вот Маше и Паше сейчас не до меня, они заняты совсем другим и уже забыли про свои проделки. Мелкие донимают Макара, а тот уже не знает, куда скрыться от них.

— У вас замечательные дети, — улыбается Забава и с нескрываемой нежностью смотрит на малышей.

От нее исходит столько любви и тепла, что я поражаюсь. Никогда не встречал такой сказочной женщины. Она... невероятная.

— Вас правда не затруднит присмотреть за моими детьми? — спрашиваю, а сам внимательно слежу за реакцией. Если хоть что-то насторожит, то тут же откажусь.

Брать детвору с собой в офис крайне проблематично. Инга и Вика сейчас по уши в делах, у меня совещание и важная встреча, Маковецкий занят, Торковскому не до меня.

Даже Оксана сегодня не сможет. Я ей накидал столько срочных и неотложных вопросов, что до завтрашнего утра не разгрести.

У каждого из тех, к кому бы я мог обратиться за помощью, сегодня самый настоящий аврал.

— Только учтите, я могу поздно за ними приехать, — сразу же предупреждаю. Пусть знает заранее, что рано меня не стоит ждать.

— Вы, главное, приезжайте, — улыбается. — Но на всякий случай все же запишите мой телефон.

Обменявшись номерами, возвращаемся к Маковецкому и детям. Затем прощаюсь с малышами, беру друга, и мы уходим. Нам пора в офис, впереди много дел.

— Марк! Как хорошо, что ты вернулся! — Перед дверью в мой кабинет расхаживает взволнованная Вика, невеста генерального и пока еще его личный помощник.

— Что случилось? — тут же напрягаюсь. Это все неспроста.

— У Инги проблемы, — говорит ломая руки. — Ей плохо. Я тут же меняюсь в лице. Благодушного настроения как не бывало, моя сестра снова в беде.

— Где она? — спрашиваю, сам же уже со всех ног спешу в ее кабинет.

Инга совсем недавно жаловалась на плохое самочувствие, слабость, сонливость и тошноту. Но я тогда не придавал этому особого значения, посоветовал не засиживаться допоздна на

своих бесконечных тренингах, а забить на обучение и нормально спать.

Для психического здоровья сестре необходим нормальный, полноценный сон. Иначе появится риск снова скатиться в депрессию.

— В туалете, — летит в спину. Напрягаюсь.

В голове мелькает одна нехорошая мысль, но я гоню ее прочь. Инга с Кузьминым ведь не дураки, они предохранялись.

Влетаю в женскую уборную, в одной из кабинок слышу характерные звуки, распахиваю дверь настежь, смотрю на находящуюся там девушку. Приплыли.

Глава 7. Забава

— Маша! Паша! У меня все готово, — зову малышей. Те бросают смотреть мультики, прыгивают со стульев, на которые я их посадила, и, быстро перебирая ногами, спешат ко мне.

Сейчас на кухне не так жарко, как было час назад, но с детворы все равно пришлось снять теплые кофты. Теперь они разгуливают в маечках.

— Яйца, масло, — со знанием дела принимается перечислять Паша, показывая на лежащие на столе продукты. — А это что? — показывает на пакет.

Мальчик с интересом рассматривает рассыпчатое белое содержимое, трогает пальчиком, сосредоточенно изучает. Вынимает руку из пакета, крутит перед лицом, пробует на вкус.

А затем снова лезет обратно, только уже более смело.

— Теплый снег! — заявляет восторженно. Глаза горят.

Пашенька трогает муку, берет горстку, вытаскивает руку. Я прекрасно вижу ход его мыслей и с ужасом представляю последствия детской шалости.

Хоть у меня в заведении есть уборщица, которая все отлично вымоет, но подобного лучше не допускать. Кладу свою руку поверх его, не позволяя рассыпать муку по кухне.

— Павлик, не стоит доставать ее из пакета, — говорю

строго.

Кричать и ругаться бесполезно, нужно набраться терпения и объяснять. Что я и делаю.

— Это не теплый снег, малыш, — киваю на пакет. — Это мука. Из нее пекут пирожки и делают пельмени. Из нее много что делают, — продолжаю заговорщицки. — Даже макароны!

— Макароны? — Глаза мальчишки горят от восторга. — Из муки?

— Ну конечно, — смеюсь. — А ты из чего думал?

— Значит, макаронного дерева не существует? — На меня печально смотрит Машенька. Бровки домиком, губки надуты, вот-вот расплечется от горького разочарования.

— Малыш, — сердце тает. — Ну ты не расстраивайся, — душу рвет на части. Горе девочки не описать.

— Забава Ильинична, все в порядке? — К нам подходит невысокий грузный мужчина в белом халате и колпаке. Пекарь. — Может, помощь какая нужна?

— Афанасий Никитич, не переживайте, мы сами справимся, — мягко отказываю мужчине. Я хочу замесить тесто с малышами одна. Без посторонних. — Вы рыбный пирог поставили в духовку?

— Конечно! — кивает. — На очереди курник.

— Замечательно! — подбадриваю мужчину. — Вы не забыли добавить ту специю, которую я вам принесла?

— Нет, что вы. — Добиваюсь желаемого, пекарь отходит

в сторону, оставляя меня вновь наедине с детьми. — Как я мог послушаться начальство? — бурчит под нос. Ухмыляюсь.

Чтобы Никитич в свое тесто добавил еще какую-то ерунду? Рассмешили! У него все четко выверено и размечено. Там не просто тесто, там произведение искусства!

Благодаря Афанасию Никитичу в булочной самая вкусная выпечка во всем городе. Он волшебник!

И соучредитель, как и я.

— Мань, не плачь, — успокаивает сестру Павлик. Смотрю на нее, вспоминаю себя в детстве и не знаю, как помочь.

Но тут на помощь приходит мое воображение, губы расплываются в улыбке. Я знаю, как помочь малышке исполнить мечту!

— Машенька, макаронное дерево существует, — произношу уверенным голосом. Она поднимает на меня полные надежды глаза.

— Правда? — спрашивает с благоговением.

— Конечно! — киваю. А сама тем временем поглядываю на изучающего муку Пашу.

Такое чувство, что мальчик первый раз в жизни ее увидел. Он с интересом сжимает ее между пальцами, стряхивает с кистей, наблюдает за полетом микроскопических частичек. Прямо залип.

— А почему тогда у меня ни одно дерево не выросло? — продолжает Маша. — Я сажала в землю, к колючке. Но ни одна макаронка не выросла, — вздыхает. — Эх.

Представляю картину, как малышка сажает макаронину к кактусу в надежде, что та прорастет, и не знаю, то ли смеяться, то ли плакать.

— Надеюсь, ты не спагетти сажала? — хихикаю.

— Не! — крутит головой в разные стороны. — Рожок! — заявляет гордо. А я стою и хлопаю ресницами. Ого! Малышка разбирается в названии макарон....

Интересно, а их папа знает, какие они? Или с утра до вечера пропадает на работе и пропускает все самое важное в жизни своих детей?

Почему-то мне кажется, второй вариант ближе. Марк слишком занят насущными делами и не думает, что малыши быстро вырастают, потом будет сожалеть об упущенных возможностях. Но время вспять не повернуть.

— Паша, стой! — кидаюсь вперед, в последний момент успеваю поймать летящего на пол мальчишку. Он заигрался до такой степени, что завалил стул.

Подхватываю мальчика на руки, прижимаю к груди. Там бешено колотится сердце.

— Не пугай меня так больше, пожалуйста, — прошу его.

— Хорошо, — шепчет испуганно. Крепко держится за меня. — Я больше не буду.

— Уж постарайся, — выдыхаю. Медленно прихожу в себя.

Ой, дети... С вами ни на секунду нельзя расслабиться!

— Так, — осматриваю лежащие на столе продукты. — Давайте приниматься за дело. Вы же хотите порадовать папу

вкусными булочками?

— Да! — радостно кричат дети, хлопая в ладоши.

— Тогда нам с вами нужно поспешить, — подмигиваю малышам, и мы принимаемся за дело.

Посетителей в булочной становится все меньше, время нещадно летит вперед, но мы этого не замечаем. Все наше внимание обращено на румяные ароматные булочки по ту сторону духового шкафа. Кухню наполняет сказочный запах корицы и сахара, на плите подходит какао, я его специально варю для детворы, а душа наполняется приятным ожиданием чуда и праздника.

Эх, елку уже пора покупать. Жаль, что мне ее нарядить не с кем, снова придется одной.

— Забава, я пить хочу, — хнычет Машенька. Смотрю на малышку и понимаю, что она слишком тихая и спокойная стала, щечки розовые, глазки блестят.

Нехорошее предчувствие рождается в груди.

— Машенька, у тебя ничего не болит? — с тревогой спрашиваю у девочки.

— Спать хочу, — хнычет.

Наливаю в стакан воды, протягиваю малышке, трогаю ее лоб. Горячий.

Блин. Очень похоже, что у Машеньки температура. А у меня даже градусника нет.

— Ты пока посиди здесь, — сажаю девочку на стул. — Я сейчас позвоню твоему папе, — пытаюсь не волноваться, но

успокоиться не получается. Тревога нарастает.

Набираю Марка, слушаю длинные гудки, затем меня переключают на голосовую почту. Звоню еще. И еще. Все без толку.

Машеньке становится хуже прямо на глазах.

Делать нечего. Либо я сейчас возьму все в свои руки, либо... Нет! О плохом думать не буду! Я справлюсь!

— Аленка, привет! — дозваниваюсь до единственного человека, кто мне может помочь в данной ситуации.

— Блин, Забав, ты на время-то смотришь? — говорит недовольно. — Поздно совсем, — укоряет.

— Прости, но кроме тебя мне не к кому обратиться. Скажи, чем температуру у ребенка сбить? — сразу задаю главный вопрос. Пусть Алена сколько угодно возмущается и ругается, я все выдержу. Лишь бы ответила сейчас.

— Сколько лет? Какой вес? — тут же включается. Отвечаю. Точных цифр у меня нет, поэтому говорю на глаз.

Сестра называет препараты, дозировки, рассказывает, что и как делать. Я ставлю звонок на запись, чтобы ничего не пропустить. В голове ступор и путаница.

— Все поняла? — уточняет.

— Вроде бы да, — не отвожу внимательного взгляда от малышей.

— И пусть няня обязательно свяжется с отцом! У нее может быть аллергия на лекарства! — наставляет.

— Знаю, знаю, — ухожу от темы. Я не стала сестре всю

правду рассказывать, немного приврала. Не хочу ее в происходящее полностью посвящать.

Прощаюсь с Аленкой, выключаю духовку и еще раз звоню Марку. Опять тишина.

— Малыши, вы поедете ко мне в гости? — через силу улыбаясь, спрашиваю у деток.

— В гости? — сонно моргают. Они оба уже хотят спать.

— Да, — киваю. — Поедете? Булочки и какао мы возьмем с собой, — подмигиваю.

Не проходит и десяти минут, как мы, сидя в такси, мчим по ночному городу. А спустя еще двадцать я укладываю малышей на своей кровати, они уснули по пути.

Сонной Машеньке успела дать выпить нужную дозу лекарства, теперь каждые три минуты трогаю ее лоб. Температура была очень высокой.

Снова хочу позвонить Марку, но понимаю, что забыла соевый в булочной. Детские часы тоже там, в сейфе, мы сняли их, чтобы в тесте не испачкать.

Блин... Вернуться не получится. Позвонить тоже. Мы уходили последними, в булочной сейчас никого нет.

Глава 8. Марк

— Марк, тебе нужно вернуться к переговорам, — следом за мной из кабинета выскакивает Давид. — Это крайне важный проект, мы не можем потерять клиентов! — генеральный не скрывает своей злости на меня.

— Давай в этот раз без меня, — пытаюсь миролюбиво решить проблему. — Все расчеты сделаны, смета составлена, бухгалтеры в курсе, деньги на счету есть. Мое личное присутствие на встрече не обязательно.

— Ошибаешься, — заявляет с уверенностью Торковский. — Успех во многом зависит именно от тебя, — произносит, едва заметно кивая в сторону переговорной.

Там, за стеклянной перегородкой, сидят двое мужчин и одна женщина. Которая ни на мгновение не сводит с меня глаз.

— Ее слово будет решающим, — продолжает надавливать. — И если ты сейчас уйдешь, то договор они подпишут с нашими прямыми конкурентами. Сам понимаешь, подобного нельзя допустить.

— Нельзя, — соглашаюсь. Разумом понимаю, что Торковский прав.

Но блин! Сердце мое не на месте. Я переживаю за своих близнецов.

— Ну так что? — смотрит многозначительно.

— Скоро приду, — обещаю и иду в свой кабинет. Мне срочно нужно добраться до своего телефона.

На часах несколько пропущенных от Забавы. Видимо, мои шалопаи снова начудили. Как бы не сбежали опять.

Я не мог ей ответить, слишком серьезные люди сидели рядом. Им стоит только заметить, что я отвлекся, так сразу прекратят переговоры.

Сволочи редкостные. Но могут себе позволить.

Наши будущие клиенты, считай, монополисты в своей отрасли и если остановятся на нашей компании, то мы одним контрактом с ними перекроем бюджет на весь следующий год.

Такой шанс выпадает лишь раз, и глупо им не воспользоваться. Еще глупее будет и вовсе его просрать.

— У вас закончились переговоры? Так рано? — удивляется Оксана.

— Нет, — отрезаю — Еще идут.

Мой взгляд падает на висящие на стене часы, и я вижу время. Твою ж мать! Почти десять уже!

Былой расслабленности и неспешности больше нет, они испарились, как только я осознал масштаб катастрофы. Мало того, что мои дети сегодня наворотили дел, так они до сих пор находятся у постороннего человека. В кофейне! Которая должна уже вот-вот закрыться.

Уверен, заведение Забавы не работает круглосуточно. Будет счастьем, если оно продержится до десяти.

Подхожу к столу, беру телефон, нажимаю на кнопку вызова. Теперь уже мне в ответ летят сплошные длинные гудки.

Повторяю звонок. Потом еще трижды. Забава, ну же, давай! Возьми трубку. Но в ответ тишина.

Твою ж мать!

Снова смотрю на часы, снова охреневаю. В душе начинаю рвать и метать.

— Не хочешь по-хорошему? — рычу с трудом сдерживая ярость. — Так я по-плохому тоже могу!

Набираю Пашу. Сын не расстается со своим телефоном и обязательно мне ответит. Но, блин, нет!

Та-а-ак. Что за хрень? Детки, это уже не игрушки. Если папа звонит, то трубку нужно поднять.

Вызов на Машины часы тоже не увенчался успехом. Дочь не берет. Капец! Что ж там случилось у них?! Мне требуется пара минут, чтобы принять единственно верное решение. И оно, пожалуй впервые, в пользу детей.

— Оксана, сходи в переговорную, сообщи Давиду, что я уехал, — даю помощнице указание. Она смотрит на меня огромными от испуга глазами, сидит, открыв рот. Раздражает до жути. — Я что-то не так сказал? — В голосе появляются рычащие нотки. Со мной шутить не стоит, я зол.

— Вы куда? — наконец отмирает. Мда... А я уже сам хотел к Давиду идти.

— По делам, — отрезаю. — Маковецкий знает. Если потребуется, то пусть Торковскому все сам объяснит.

— Х-хорошо, — кивает слегка заторможенно, чем еще сильнее меня бесит. Раздражает каждая деталь.

Да и пофиг! Лишь бы работала нормально. А Оксана работает идеально, никакой другой помощницы мне не нужно. Никто не сможет справляться так, как она.

Как раз именно это и стало основной причиной, почему не ответил девчонке взаимностью. Ведь я не слепой, прекрасно вижу, что она в меня влюблена.

Инга под присмотром врачей. Мне пришлось настоять на госпитализации, потому что она хотела избавиться от ребенка. Видите ли, мою сестру не устраивает отец.

Раньше надо было думать! До того как под ублюдка ложилась! А теперь принимай и расти то, что есть.

Не хочет воспитывать, так и не надо. Никто не станет настаивать или уж тем более заставлять. Сейчас множество семей мечтают о здоровом малыше из детского дома, так я смогу напрямь связи и пристроить ребенка Инги в лучшую из семей.

Но этот вариант останется для подстраховки. Мы оба — и я, и Инга — прекрасно понимаем: все это пустая болтовня и домыслы. Она никогда не откажется от своего малыша.

А если про беременность узнает наша мама... Не завидую я сестре.

Спускаюсь на паркинг, сажусь в тачку, жду, пока масло прогреется до нужной температуры, и лишь после этого стартую. Рев двигателя, шум покрышек по асфальту... Чистый

кайф!

До булочной доезжаю за считанные минуты. Без труда нахожу свободное место на стоянке, она пуста. Выхожу из тачки и застываю.

В заведении Забавы не горит свет.

Подхожу к центральному входу, дергаю дверь за ручку. Закрыто.

— И что это за фигня? — рычу. Злость наполняет душу сильнее, стучу по двери. Не поддается.

Да блин! Там мои дети! Или они уже не там?..

Достаю сотовый, принимаюсь названивать на три номера, но все без толку. Никто трубку не берет.

— Мак! — дозваниваюсь до Маковецкого. — Кому ты моих детей впарил?! — размашистым шагом выхожу на-против булочной. Меня одолевает гнев.

— Ермолаев, твою мать! Где ты шаришься? — начинает наезжать на меня в ответ. — Живо дуй в офис! Переговоры срываются!

— Похрен на них! У Забавы в кафе моих детей нет!

Глава 9. Забава

Подскакиваю со стула, оглядываюсь по сторонам, сердце быстро колотится от испуга. Оно вот-вот выскочит из груди! Страшно до жути.

Пытаюсь понять, что меня так сильно испугало, но вместо мыслей в голове каша. Ничего не соображаю. Сплошной бедлам.

Осматриваюсь по сторонам в тщетной попытке разобраться, что случилось. Ведь не просто же так мне резко стало нечем дышать.

Но на первый взгляд все в порядке. Ночь. Спокойствие. Тишина. Ничего криминального.

Я сижу за столом перед раскрытым ноутбуком, рядом стоит давно остывшая кружка с чаем и лежит кусок шоколадки. Не успела доесть.

Экран уже давно погас, батарея разрядилась. Но я отчетливо помню, как искала социальные сети Ермолаева Марка. Мне очень-очень нужно было его найти.

Когда под рукой нет телефона и отсутствует какая-либо иная возможность связаться с человеком, соцсети — единственный способ кого-то отыскать.

Но я перелопатила все что можно. Ни в одной из соцсетей его нет.

Нужно сообщить Марку, где мы. Он ведь весь город на

уши поставит! Вверх дном перевернет.

А если решит, что я Машу и Пашу украла? Если заявит о пропаже детей?

О ужас! Дрожь по телу. Страшно пипец.

Дыши, Забава. Просто дыши и думай! Ты еще не все способности связи перебрала.

Судя по всему, я уснула как раз в процессе поиска. Ничего! Сейчас заново сяду. Пока Паша и Маша спят, у меня еще есть время.

Наверное, из-за этого меня и одолевает тревога.

Нужно проверить температуру. Убедиться, что с Машенькой все хорошо.

Но подняться на ноги оказывается не так легко, как хотелось бы. За эти несколько часов, что провела в неудобной позе, тело одеревенело, мышцы затекли, руки-ноги не слушаются.

Пытаюсь совладать с непослушным телом, как неожиданно в прихожей раздается громкий стук в дверь. Сердце уходит в пятки.

Не успеваю сделать и пары шагов, как снова кто-то барабанной дробью начинает долбить в дверь.

Блин! Ну дети же спят! Что за люди.

Выскакиваю в прихожую, подлетаю к двери, страх накапывает волна за волной. Я не привыкла к такому! Сколько лет здесь живу, всегда было спокойно и тихо вокруг.

— Кто там? — спрашиваю негромко. В соседней комнате

спят дети, и я не хочу их разбудить.

— Открывай! Немедленно! — Со стороны лестничной клетки раздается гневный рык. Воздух выбивает из легких.

Прилипаю к дверному глазку, пытаюсь понять, кто там. Но мужчина стоит таким образом, что его рассмотреть не представляется возможным.

Блин...И что делать?

После очередной канонады в дверь решаю открыть.

— Где они?! — Марк налетает на меня с порога. — Где мои дети?! — одним движением отодвигает меня и проходит в квартиру. Осматривается по сторонам.

Он зол. Причем настолько, что едва держит себя в руках.

Мне снова становится стыдно за телефоны. Это ж надо было так...

— Ш-ш-ш, — выставляю вперед руки, успокаивая мужчину. Но судя по опасному блеску в его глазах, я делаю это зря. — Дети спят. Пожалуйста, не ругайся, — прошу его. — Дай мне возможность все объяснить.

Мужчина нависает надо мной исполином, чувствую себя хрупкой и крошечной рядом с ним.

— Говори, — рычит. Но уже гораздо тише.

— Мы ждали тебя в булочной до закрытия, — начинаю сбивчиво объяснять. — Но у Машеньки поднялась температура, а ты не отвечал на звонки. Поэтому мне пришлось вызвать такси и отвезти их к себе.

О том, каким квестом оказалось для меня найти такси с

двумя детскими креслами, решаю промолчать. И про потраченную за поездку сумму. В двойном размере.

— У Маши температура? — С мужчины тут же спадает вся спесь и уходит злость, словно их и не было. Он из ревущего и сметающего все на своем пути разъяренного тигра становится похож на самого обыкновенного, крайне обеспокоенного отца. — Высокая? Ручки теплые? Ножки? Судорог не было?

— Была высокая, — признаюсь. — Но я ее сбила. Сейчас должно быть все хорошо.

Марк крайне обескуражен и растерян. Вот чего, а этого я совершенно не ожидала от него.

— Не переживай, я сбила температуру. Все хорошо, — успокаиваю его. — Сейчас детки спят, и с ними все в порядке.

Марк опускается на стул, обхватывает голову руками и сидит не шевелясь. Он похож на уставшего до невозможности человека, который взвалил на себя непосильную ношу и тянет ее теперь.

В этот момент мне становится его жалко.

— Давай я сделаю тебе чай, — обращаюсь к нему миролюбиво. — Малыши булочки с корицей для тебя испекли. Попробуй, пока они еще свежие.

Марк поднимает на меня глаза, и мне дурно становится от его взгляда. Там столько эмоций... Просто ух!

Мужчина некоторое время молчит.

— Давай, — соглашается. — Но сначала скажи, где дети? Мне нужно их увидеть.

— Они в спальне, — киваю на приоткрытую дверь в соседнюю комнату. — Спят.

— Спасибо, — говорит, не отрывая от меня взгляда. Внутри все переворачивается.

Его голос... Его слова... Они кружат голову. Не понимаю, что со мной.

— Любая другая поступила бы так же, — отмахиваюсь, с трудом сглатывая возникший в горле ком.

В груди щемит. Слишком много давно позабытых эмоций рвутся наружу. Как справиться с ними? Ума не приложу.

А стоит только подумать, что утром Марк заберет малышей, так хочется плакать. Я уже прикипела к этим двум непоседам. Мне уже будет их не хватать.

Не хочу испытывать и половину из того, что бурлит внутри. Но сердце решает иначе.

Противиться и пытаться противостоять смысла нет. Только хуже станет.

— Любая другая вызвала бы полицию и сдала воришек, — говорит не мигая. — Ты сделала очень много для меня. Я теперь твой должник.

— Марк, я сделала то, что должна была, — с трудом, но я выдерживаю взгляд мужчины. Отчего-то у меня все плавится внутри от него.

Боясь собственных эмоций, резко разворачиваюсь и спе-

шу на кухню. Нужно поставить греться воду, сделать Марку чай, достать булочки.

Стараюсь думать о насущном и не вдаваться в размышления по поводу того, что будет дальше. Потому что дальше ничего не будет.

Марк увезет детей, я останусь одна. И точка. Нечего мечтать!

Глава 10. Марк

Забава... Какое забавное имя. И какое сказочное... Прямо как его обладательница.

Смотрю на сидящую напротив девушку и понимаю, что подвисяю. Красивая. Мысли летят.

Пышные каштановые волосы спадают на плечи крупными локонами, подпрыгивая при каждом движении их владелицы. Карие глаза смотрят внимательно и дружелюбно, там нежности столько... Прямо ух! Двинуться можно.

И как до сих пор никто не позарился на такую красоту? Просто уму непостижимо!

Сидим на кухне, пьем чай. Я поедаю булочки с корицей, которые испекли для меня дети. Едва успеваю съесть одну, как рука тут же тянется за следующей. Неимоверно вкусно. Оторваться от лакомства выше моих сил.

Все же Маковецкий был прав. У Забавы самая вкусная выпечка во всем городе, она фору даст самым премиальным пекарням. И это факт.

— Паша и Маша хорошо себя вели? — интересуюсь у сидящей напротив девушки. — Слушались?

Кто бы знал, как сильно я хочу услышать утвердительный ответ.

— А ты сам как думаешь? — бросает на меня красноречивый взгляд. Глаза смеются.

Так круто наблюдать за ее живыми эмоциями, что аж дыхание перехватывает! Она не пытается произвести на меня впечатление, не подгадывает свои ответы под мои пожелания, никоим образом не пытается угодить.

Ведет себя естественно и непринужденно и тем самым пробуждает в моей груди давно позабытое чувство легкости. Давно я столько искренности в людях не встречал.

Мы даже не заметили, как перешли на «ты». Все вышло как-то само. Естественно.

— Понял тебя, — отвечаю задумчиво. — Дома их ждет серьезный разговор.

Паша и Маша уже достаточно накуролесили. Раз ни одна из нянь с ними не справилась, то придется все брать в свои руки. Иначе я потеряю детей.

Шанс сделать из них нормальных людей упущен не до конца, но теперь нужно действовать грамотно и планомерно.

Завтра же начну искать детского психолога, запишемся на консультацию и уже от этого будем отталкиваться. У хороших специалистов всегда очередь, так что как раз малышня должна будет успеть поправиться.

— Это дети. — Забава посылает мне теплую улыбку. Снова смотрю на нее и снова тону в этом взгляде... Он, как пуховое одеяло в холодную зиму, окутывает и согревает тебя. — Они не должны беспрекословно подчиняться тому, что мы говорим.

Не должны. А ведь очень хотелось бы. Если так будет, то

одним махом снимается куча проблем.

— Они должны слушаться своих родителей, — парирую.
— И от взрослых убежать не должны.

Забава молчит. Она опускает глаза, а мне выть хочется без ее теплого взгляда. Я за это короткое время на него подсел.

— Для них это все игра, понимаешь? — говорит спустя некоторое время. Снова смотрит на меня. Я не дышу. — У тебя замечательные дети. Умные и соображают отлично, но тем не менее они еще слишком малы, чтобы в полной мере осознавать последствия своих поступков. В их возрасте причинно-следственная связь еще не работает в полную силу, она только формируется. — Слушаю Забаву и понимаю, что в ее словах есть доля истины.

Но одно дело понимать проблему и совершенно другое — придумать, как от нее избавиться. Я понятия не имею, что делать с детьми.

— Паша и Маша должны соображать, что сбегать от няни, забираться в чужое кафе и воровать с прилавка еду недопустимо, — стою на своем. — Я плохой отец, раз не смог им всего этого объяснить.

— Ты не плохой, — произносит с сочувствием. — Просто тебя им мало. — От печального взгляда карих глаз хочется провалиться сквозь землю.

Забава не укоряет, говорит с пониманием. Только от этого ее понимания гадко до тошноты.

— Меня ровно столько, сколько я могу себе позволить, —

рычу, не сдержавшись.

— Прости, — тихо шепчет. И снова отводит в сторону взгляд.

Допиваем чай в полнейшей тишине. Я пытаюсь справиться с бурлящим внутри раздражением. Забава... А хрен знает, что у нее на уме.

Благодарю за угощение, иду к детям. Видимо, ночевать мне сегодня придется здесь.

Снимаю одежду, аккуратно вешаю на стул и забираюсь в кровать к своим детям. Они мирно сопят.

Опускаю голову на подушку, глаза закрываются, и я проваливаюсь в крепкий, но тревожный сон. В последний момент, перед тем как отключиться, дотрагиваюсь до лба Маши. Холодный. Вот и хорошо.

— Папа? — раздается удивленное над ухом. — Мань, смотри, папа здесь! — В голосе сына полный восторг.

— Папа, ты спишь? — хрипит дочка. Кашляет.

Осиплость Машеньки и лающий кашель действуют на меня, как ведро ледяной воды. Резко распахиваю глаза, сажусь на кровати.

— Привет, — сонно смотрю то на Пашу, то на Машу. — Давно проснулись?

— Неа, — мотает в разные стороны головой сын. Маша молчит.

Румяные щечки на фоне бледной кожи напрягают не на шутку, а частое дыхание вызывает тревогу. Машенька, Ма-

шенька... Вот же блин.

Трогаю лоб у дочки, он огненный. Все мысли вылетают из головы.

— Забава! — подскакиваю с постели, выхожу из комнаты. Громко зову хозяйку квартиры. — Забава, ты дома?

— Да! — кричит мне, такое ощущение, что из ванной. Недолго думая, иду туда.

Мои мысли заняты состоянием Маши. Я не имею ни малейшего понятия, что делать! Никто из них прежде так не болел.

— Забава, мне твоя помощь, — распахиваю дверь ванной, захожу в помещение и... застываю на пороге. Все мысли выбило из головы. — Нужна, — добавляю спустя несколько ударов сердца. И продолжаю стоять.

— Подай, пожалуйста, мне полотенце, — просит она, краснея. Кутается в шторку для душа, но та прозрачная совсем.

Изо всех сил стараюсь не смотреть на аппетитные формы. Пропорции такие, что сводят с ума!

— Кхм, — приходится откашляться. Голос охрип. — Где оно?

— Вон, висит, — показывает на крючок справа от меня.

С трудом отвожу взгляд от представительницы поистине прекрасного пола, подаю ей полотенце.

— Прости, — извиняюсь. Берусь за ручку, собираюсь выйти в коридор.

— Стой! — смеется. — Куда ты? — спрашивает по-прежнему смущенно.

— К детям, — хмурюсь. Чувствую себя, как дурак.

— Подожди пока к детям идти, — продолжает краснея. — Тебе нельзя.

— У Маши температура, осиплость ужасная и кашель ненормальный, — озвучиваю вслух симптомы. — Мне нужно к ней!

— Сначала тебе нужно, — небольшая пауза. — Успокоиться, — бросает многозначительный взгляд мне ниже пояса. Понимаю, о чем она говорит, прикрываюсь руками.

Мда... Тело меня еще никогда не подводило. Логичная реакция на красивую женщину. Только, блин, ну совершенно несвоевременная!

— Я к детям сама схожу, — произносит, хихикая. — А ты пока лучше здесь постой, — говорит, спотыкается на последнем слове, снова краснеет, смущенно хихикает и прямо в одном полотенце поверх мокрого голого тела выскакивает в коридор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.